

Персона

В России рубежа двух веков нет ни одного сколько-нибудь значащего для ее истории лица, которое не запечатлел бы фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ. Он снимает отечественную историю в лицах так давно, что на одной из его выставок девчонки, задержавшиеся у портретов Георгия Свиридова и Галины Улановой, оконфузились. В ответ на предложение организаторов встречи взять у мастера автограф они растерялись: «Ой, а вы живой?»

А ему всего-то неполных пятьдесят восемь. И одет он как продвинутый парень: в модных джинсах, в тон им — футболка, поверх нее — темно-синий джемпер с непростыми коричневыми пуговицами и пиджак-шотландка. Самое главное — двое часов на руках: по часам на правой и левой. «Зачем?» — спрашиваю. «На одних — петербургское время, я из Петербурга, на других — московское. Я здесь в вечной командировке», — отвечает. Пока соображаю, что в Петербурге и в Москве одно время, Плотников смеется.

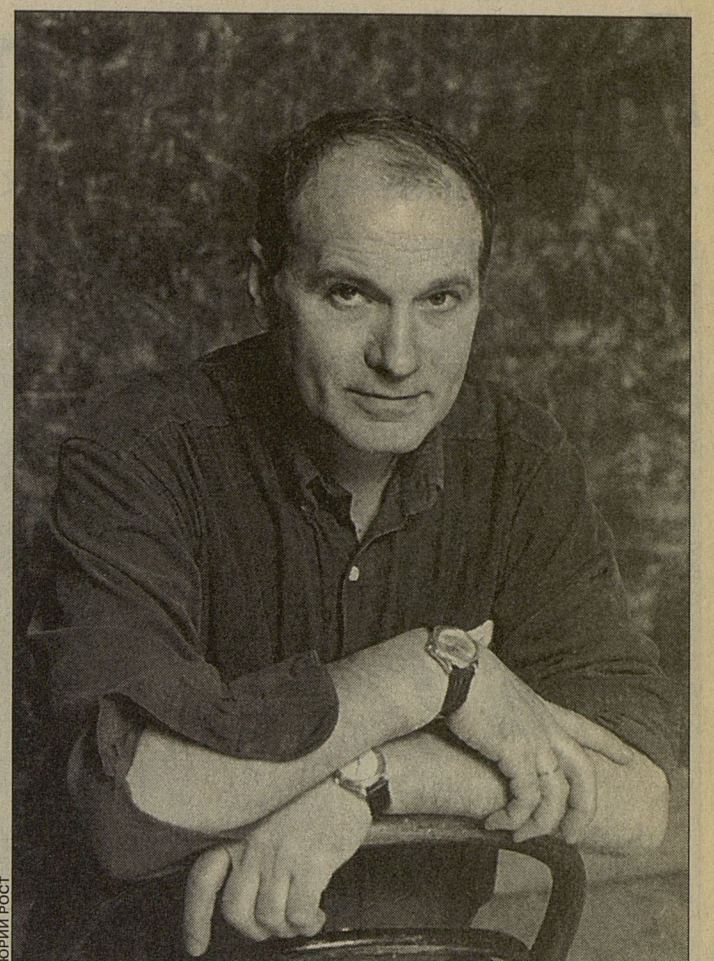
Как мальчишка, довольный приколом.

Конец 60-х. Студент ВГИКа

1975 г. В начале карьеры

2002 г. Фотограф Валерий Плотников

Валерий Плотников:

Не надо делать деньги из сотрясения воздуха

— Вы снимали и снимаете «лучших людей нашего района». Часто находили лица с «необычным выражением»?

— Всю сознательную часть жизни я имею дело с изображением, внимательно вглядываясь в лица и вижу: культурный слой не просто истощился, его почти нет. Бывает, за целый день, гуляя по городу, не могу встретить интеллигентное лицо. Я уж не говорю — гармоничное.

— Ого! Не самонадеянно?
— Да нет. Если бы меня сегодня в Госдуму пригласили на должность фейс-контроля, мы бы избежали многих потрясений.

— Тогда давайте по порядку. Молодой Валерий Плотников, который снимал великих — Уланову, Лихачева, Рихтера, — наверняка гордился за нацию?
— В советские времена, учась во ВГИКе, я столкнулся с иностранными журналами и обратил внимание, что у них статья о ком-либо всегда украшает замечательный портрет. У нас тогда просто невозможно было увидеть достойного изображения Ахматовой, Зощенко или Пастернака, которого травили в годы моей юности... Его фамилия у всех была на слуху, но, как он выглядит, мы не знали. Я уж не говорю о Цветаевой. И вот это несоответствие подвигло меня на то, чтобы бороться с забвением хотя бы моих современников. Тем более что люди, с которыми я общался, то-то стояли.

— Почему в ряде работ вы подписываетесь «Петербургский»?

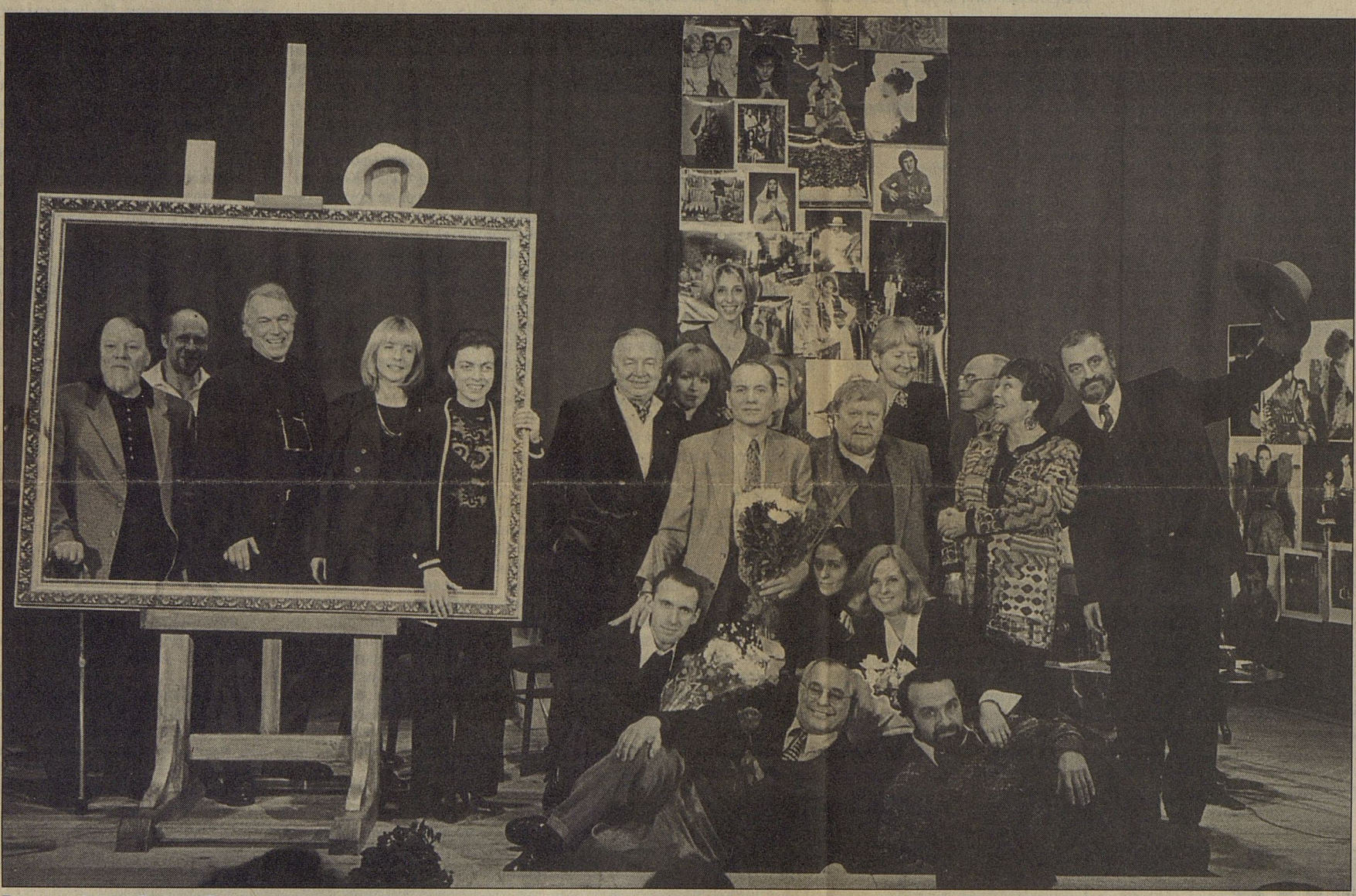
— Я родился в эвакуации, в Барнауле. Потом, когда наша семья вернулась в родной Петербург, я жил и рос в том городе, которого теперь уже, к сожалению, нет. Помню, по Невскому ходили трамваи, помню лошадей, запряженных в похоронный катафалк, помню ослика и пони на углу Екатерининского канала и Невского. Это был остаток Петербурга петербургцев. В нем я учился в художественной школе при Академии художеств с Олегом Григорьевым. В 15 лет познакомился с Левой Додиним и Сергеем Соловьевым. Мне не хочется говорить, что в художественной школе сидел за одной партой с Мишей Шемякиным, но так было. И никто не догадывался тогда, что Миша будет ставить памятники в Петербурге, а в Маринке — «Шелкунчик». Я не могу вспомнить, как познакомился с Бродским. Думаю, через Дом книги. Я дорожил этим знакомством. Позднее, когда Иосиф вернулся из ссылки, он прочел в воспоминаниях кого-то из декабристов (их тогда судили в этом же здании на Фонтанке), что осужденных поразил не столько приговор, сколько то, что в соседнем особняке давали бал. Когда Бродского выдворили из страны, я уже учился во ВГИКе. Ни проститься с ним, ни проводить не успел.

— Когда вы сделали первую фотографию?

— Не помню... А-а, когда служил на флоте. Чтобы поступить во ВГИК на операторский факультет — мы с Сергеем Соловьевым мечтали работать вместе, — мне нужно было несколько снимков. Снял, поступил.

— Какая из фоторабот позволила понять: вот оно — мое?

— Опять же с Соловьевым и Катей Васильевой мы в осеннем парке снимали фотозолу на мотивы польского кино. Влияние польского кино, польской фотографии на нас было очевидным. В те времена это была не просто единственная граница — точка отсчета. Мы — как света в окошке — ждали выхода журнала «Польша». Это была легальная отдушина, журнал можно было купить в киоске — но только вовремя успеть, чтобы не расхватали. Казалось: если мы начнем писать, снимать, жить так, то... Но не случилось. Позже с нами про-

Теоретический вечер Валерия Плотникова (в центре). Стоят, слева направо: Михаил Роизман, Александр Феклистов, Игорь Макаров, Вера Глаголева, Татьяна Ревзина, Андрей Вознесенский, Елена Стародуб, Маргарита Эскина, Сергей Соловьев, Наталья Дементьева, Михаил Глузский, Галина Китайгородская, Григорий Горин. Сидят: Степан Плотников (сын), Ксения Плотникова (дочь), Светлана Ярошевич (жена), Марк Розовский, Виктор Шендерович

• БЛИЦ

— Ваш идеал в юности?
— Их было два. Врубелев и Рахманинов.
— Идеал сегодня?
— Недостижимый Серебряный век.
— Есть девиз, которому следуете?
— Стыдно быть несчастливим.
— Вы счастливы?
— Я, как и каждый человек, как все живое, рожден для того, чтобы быть счастливым. И от этого мне еще горше.
— Любимый композитор?
— Скорее мелодии. Прелюдии Рахманинова.

— Любимый писатель?
— Андрей Битов.
— Что вас невозможно заставить читать?
— Книжную макулатуру, особенно ту, что мельтешит в метро и вторгается в сознание, как кирпич в продавленную голову.
— В юности были пижонизмом?
— Конечно.
— Одежду какого стиля и цвета предпочитаете сегодня?
— Никакого. Она не суть.

— Ваш любимый напиток?
— Домашние компоты. Еще коньяк.
— Есть любимая кухня?
— Моей жены Светланы. Все, что она ни приготовит, — делает аппетитным общение.
— А блюдо?
— Можно было бы не тратить время на еду. Не трагит бы.
— С кем ни за что не станете пить?
— О-о, их такое большое множество, что лучше их оставить, как отрицательные эмоции.

изошло то же, что и с поляками. Их «звезд», повзрослев, на пароме уезжали в Скандинавию и Америку, где их непохожесть в полной мере не была востребована. И где те же Роман Поланский и Ежи Сколимовский? Сегодня их почти не слышно. А мы, если слышим об Андроне Кончаловском, то не узнаем его в его толливульских картинах. Он один из двух-трех режиссеров, чья потеря для национального кинематографа невосполнима. Дело не в том, где он живет и работает. Это ради бога. Мне кажется, что последние время Андрон снимает не то кино, которому предназначен. Он безумно эмоционален и, каким я его знаю, не может снимать то, во что не верит. Он не обучен и не может работать на голом профессионализме и холодном расчете. А сегодня искусство — это не вариант «проклятых» вопросов бытия и философии. Это способ зарабатывания на жизнь, как те же «Планиатор» или «Властелин колец» или любой голливудский оскареносец.

— Вы считаете, что такое же забвение, в которое впал польский кинематограф, ждет и наше кино, если оно не откажется от принципов Голливуда?

— Я не утверждаю, я вижу, что происходит. Как угодно можно относиться к Андрону Кончаловскому и Никите Михалкову, но из относительно молодых — они последние из немногих в нашем кинематографе, кто обладает запасом человеческой культуры. Сегодня, когда я общаюсь с молодыми режиссерами или актерами, дивлюсь их уровню. В свое время

был расхожий комплимент: современный актер неразличим в толпе. Сомнительный комплимент. Это уровень общества, где уже и не нужен багаж тех же Кончаловского и Михалкова. Зачем филармония, Эрмитаж или Русский музей — пустая трата времени. Есть другие способы собственной раскрутки.

— Какое думаете?

— Сначала разберемся, какие были. «Ася Клячина, прозванная хромоножкой, которая любила, да не вышла замуж, потому что гордая была». Уже аромат самого названия, да? Именно «Ася...» Кончаловский возил по миру. Фильм никто не рекламировал. Его, кто помнит, вообще поначалу не пускали на экран. Я не зацензура, я против раскручивания пустоты и делания денег из сотрясения воздуха.

— Теперь ваш пример современной раскрутки и самоутверждения.

— Я спрашивал Ростислава Яновича Плятта: «Откуда у вас эта статья, эта поступь?» Она у него была преисполнена достоинства и неспешности. Сегодня актеры не знают, что это такое. Они суетливы в поисках достатка и тусовок. На съемках они не умеют пользоваться приборами, не знают, как держать фужер и прямую спину. Известным теле- и шоуменам я объяснял, что шампанское нельзя наливать в бокал для столового вина. Они отмахивались с превосходством знатоков: «Валер, да какая разница?» Мелочи? Но они формировали ту поступь, что была у Плятта и вырастала в достоверность. И когда я вижу в но-

вом фильме, преподносимом как нечто эталонное, портрет государя-императора, висящий над шкафом, вместо положенного ему места, что то мешает мне верить и остальному в этом произведении.

— Кто для вас является мерилом, человеком достойным?

— В свое время на каком-то из кинофестивалей Беата Тышкевич познакомила меня с Григорием Михайловичем Козинцевым. Мы шли с приема в Кремль, и она меня представляла как хорошего фотографа. «Да, я знаю Валерия», — сказал Козинцев. Мне стало неудобно за него, конечно, я понимал, что он интеллигентный человек и хотел сделать мне приятное. Но фотографии моих он видеть никак не мог. Меня тогда в стране не знали и почти не публиковали. И тут мне стало неудобно за себя, но Козинцев обогнал меня душой. «Вы знаете, Беата», — говорит он, — я выписываю венгерский журнал «Сцена. Музыка. Кино» и обращаю внимание на его фотографии». Меня и вправду публиковали только поляки, болгары и венгры.

Вот уровень: небожитель по тем временам, Козинцев не считал зазорным посмотреть и записать подпись под фото. Это не отношение ко мне — это отношение к жизни. Это уровень эпохи Лили Брик, Сергея Параджанова, Беллы Ахмадулиной, Павла Антокольского.

— Но почему их место оказалось пусто? Почему не последовало продолжения?

— Если говорить о профессионализме, о мере таланта, о замечательных режиссерах, писателях, драматургах и актерах много, но если говорить о их воспитании, то тут их простота и незамысловатость. И мой собственный жизненный опыт, и не мой тоже, доказали: литература, кино и театр ни на йоту не исправят общественные нравы. Вот скажите, почему на конкурсах красоты утверждалось: «Красота спасет мир». Как можно вспомнить, Достоевский писал все-таки: «Красотою мир спасется». Последнее подражает, что это ты, лично ты, должен приложить какие-никакие усилия, что-то изменить в себе и в мире и этим спасти. Но в публике жива чистая конкурсная, когда же спрашиваешь, где именно Достоевский так писал, отвечают: «Не знаю. Все говорят». Ну и пусть говорят.

— Ворчите?

— Так замечательно случилось, что я снимал Лихачева, Мравинского, Смоктуновского, других удивительных людей. И теперь, когда меня обвиняют в старческом брюзжании, я говорю: «Вот два изображения — вот и вот». Цитирую «Гамлета». Смотрите и сравнивайте.

— Как и когда общество прошло путь от того, что его кумирами были сначала Рихтер, Уланова, Плятт, потом «королева слез» Пугачева, а сегодня и вовсе кумиры меняются быстрее смены часовых поясов?

— Если за точку отсчета брать 1914—1917 годы, этот слом произошел где-то в конце 70-х, когда физически ушли те, кто был сформирован до советской власти. Вот мы давно слышали фразу: «Не будете ли вы столь любезны?»

А в моем родном городе, на Невском в 60-е годы такими словами еще изъяснялись. Я был мальчишкой и пел: «Мы пионеры, дети рабочих...» Нало мной смеялись. В этом возрасте хочется быть как все, но у меня не получилось. В том же детстве я сам дошел: не стыдится то, чему учат нас в школе, с тем, что делал господин Ульянов-Ленин. Я для себя ситуацию вижу так: по мере того как физически уходили лучшие люди, они даже в плане продолжения рода после себя часто не оставляли никого.

— Но эти люди оставили нечто большее.

— Что? Тут по телевизору наблюдал тухлого кобоя-президента Буша. Я его называю советским президентом. Вот американцам президентов. Столько боролся против СССР... Показывают по ТВ приезд Блэра на ранчо к Бушу. Садится за руль г-н Буш, подходит к задней двери ледади Буш. Сама открывает дверь, сама садится в машину, сама захлопывает дверь. Вот уровень нормального «совка». Вот они — пальцы веером на высшем уровне, когда папан говорит своей марухе: «Ну падай, метла». Вот она — сказка-новость на ночь, которая затравит миллионными тиражами повторится на улице. Вспомните, какие сказки на ночь читались, когда не было телевизора? Карет в Петербурге я не застал, но еще на моих глазах мужчина обходил машину, открывал дверцу даме и потом сам садился за руль.

— Вы так делаете?

— Опять намекаете на стариковское брюзжание? Это мои

• МАСТЕРА О МАСТЕРЕ

Аристократизм в красоте. Не среди родословных дубрав. Сын плотника — на кресте, Плотников — фото-граф.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ, 1999 г.

«Его личность легко узнать на любом снимке. Есть фотографии-репортажи, есть — приближающие снимки к графике или живописи. Плотников — фотограф-режиссер».

Григорий КОЗИНЦЕВ, 1972 г.

«Он обладает острым и в то же время поэтическим взглядом. Я думаю, было бы интересно делать фотографии на репетициях, а потом использовать их в решении эпизода фильма или спектакля. Ведь мы все в какой-то мере связаны со штампами привычек, условностей, и каждый повторяет то, что ему близко. Надо быть смелым, чтобы распознать свои же штампы и сломать их. Работа Плотникова помогает это сделать».

Андрон КОНЧАЛОВСКИЙ, 1975 г.

«Он фотограф того, чего не было. Dream master... Возможно подражать ему, копировать его, но никто кроме Плотникова не может создать оригинал мечты. Его фотографии имеют глубину культурного слоя. Их ценность — в деталях. Эти детали — люди».

Юрий РОСТ, 1999 г.

проблемы. Не станет меня, и мир успокоится. Кто как хочет так и сидит в машине? Выйдите на улицу и вы увидите, что г-н Буш — едва ли не образец нормы поведения. Опять же по телевизору видел интервью председателя дворян... Сидит перед женщиной, курит. Разве что в лицо не пускает сый дым. Ребята, вы считаете, что дворянство — это привилегия? Мне видится — обязанность.

— Ну и что, мир сойдет с ума, если не возродит утраченное?

— Не сойдет. Мы идем к тому, что будет много еды, чуть меньше евро и долларов, а голод на дух, он... Будет спрашивать: «А что это такое?» Надеюсь, все-таки восстановят по крупицам.

— Как вы относитесь к выражению: «Пугачева — арлекин нашей истории»?

— Я думаю, что это некоторая натяжка. В 70-е в театре на Таганке была анкета из двадцати вопросов. На них отвечали ведущие актеры. Приведу один вопрос оттуда: «Чего бы тебе хотелось больше всего в жизни?» Высоцкий ответил: «Чтобы знали, что бы везло пускаться». Алла тоже мне говорила, что очень хочет признания и славы. Уже когда она ее получила в полной мере, как-то раз мы вместе возвращались с ее концерта. Выходим через служебный вход. Толпа истеричек с искривленными мозгами. Разве что на части не рвут. Тогда еще не было охраны и лимузину. «Алл, вот она слава». Алла шипит: «Ненавижу». И еще всякие разные слова. «А ты как себе представляла любовь народную?» — спрашиваю. — Это люди в смокингах и во фраках, которые вежливо заходят за кулисы, дарят нежные желтые розы и вежливо откланиваются? Дико, да? Так не бывало? Вель было! Ве-ка-ми складывалось. Это была норма, сохранявшая достоинство звезды и достоинство зрителя.

Что, Высоцкий не заслужил такого отношения? Когда его везли в тюрьму, кто-то из публики жила читала конкурсная, когда же спрашиваешь, где именно Достоевский так писал, отвечают: «Не знаю. Все говорят». Ну и пусть говорят.

— Но эти люди оставили нечто большее.

— Что? Тут по телевизору наблюдал тухлого кобоя-президента Буша. Я его называю советским президентом. Вот американцам президентов. Столько боролся против СССР... Показывают по ТВ приезд Блэра на ранчо к Бушу. Садится за руль г-н Буш, подходит к задней двери ледади Буш. Сама открывает дверь, сама садится в машину, сама захлопывает дверь. Вот уровень нормального «совка». Вот они — пальцы веером на высшем уровне, когда папан говорит своей марухе: «Ну падай, метла». Вот она — сказка-новость на ночь, которая затравит миллионными тиражами повторится на улице. Вспомните, какие сказки на ночь читались, когда не было телевизора? Карет в Петербурге я не застал, но еще на моих глазах мужчина обходил машину, открывал дверцу даме и потом сам садился за руль.

— Вы так делаете?

— Опять намекаете на стариковское брюзжание? Это мои проблемы. Не станет меня, и мир успокоится. Кто как хочет так и сидит в машине? Выйдите на улицу и вы увидите, что г-н Буш — едва ли не образец нормы поведения. Опять же по телевизору видел интервью председателя дворян... Сидит перед женщиной, курит. Разве что в лицо не пускает сый дым. Ребята, вы считаете, что дворянство — это привилегия? Мне видится — обязанность.

— Ну и что, мир сойдет с ума, если не возродит утраченное?

— Не сойдет. Мы идем к тому, что будет много еды, чуть меньше евро и долларов, а голод на дух, он... Будет спрашивать: «А что это такое?» Надеюсь, все-таки восстановят по крупицам.

— Как вы относитесь к выражению: «Пугачева — арлекин нашей истории»?

— Я думаю, что это некоторая натяжка. В 70-е в театре на Таганке была анкета из двадцати вопросов. На них отвечали ведущие актеры. Приведу один вопрос оттуда: «Чего бы тебе хотелось больше всего в жизни?» Высоцкий ответил: «Чтобы знали, что бы везло пускаться». Алла тоже мне говорила, что очень хочет признания и славы. Уже когда она ее получила в полной мере, как-то раз мы вместе возвращались с ее концерта. Выходим через служебный вход. Толпа истеричек с искривленными мозгами. Разве что на части не рвут. Тогда еще не было охраны и лимузину. «Алл, вот она слава». Алла шипит: «Ненавижу». И еще всякие разные слова. «А ты как себе представляла любовь народную?» — спрашиваю. — Это люди в смокингах и во фраках, которые вежливо заходят за кулисы, дарят нежные желтые розы и вежливо откланиваются? Дико, да? Так не бывало? Вель было! Ве-ка-ми складывалось. Это была норма, сохранявшая достоинство звезды и достоинство зрителя.

Что, Высоцкий не заслужил такого отношения? Когда его везли в тюрьму, кто-то из публики жила читала конкурсная, когда же спрашиваешь, где именно Достоевский так писал, отвечают: «Не знаю. Все говорят». Ну и пусть говорят.

люди от политики это плохо перерабатывают.

— Неужели не интересно снять Ельцина или Путина?

— Я не вижу, как это сделать.

— Давно играете в теннис?

— Двадцать два года. Тогда еще никто не знал, что он будет правительственным видом спорта.

Это красивая, эстетская игра, недаром ее любил Набоков. Тем более обидно, что из тенниса — образ жизни сделали просто зрелище, на котором зрители ведут себя как на футболе. Почему я и не хожу на соревнования — начинаю выбиривать.

— На свои работы ходите смотреть?

— Когда после ремонта открылся кинотеатр «Художественный», мне многие звонили: «У тебя в «Художественном» выставка?» Я говорил, что нет, но когда с тем же вопросом позвонил сын, пришлось идти в кинотеатр самому. Прихожу. Действительно, висят огромные постеры, сделанные мной, но без моей подписи. Я уж не веду речь об оплате, хотя бы, как это принято в цивилизованном обществе, попросите разрешения и сделайте подписи. «Ой, нашпеш», — пообещали. Так и не написали.

А сколько в газетах и журналах моих снимков без подписи? Смотрю, конечно, куда деваться? Читая воспоминания актеров и режиссеров. Там тоже есть мини-экспозиции с моим участием, о котором узнаю, открыв книгу. Хотя иногда звонят, спрашивают: «Можно?»

— Кого из тех, кто определяет приметы нашего времени, вам еще хотелось бы снять?

— Я уже снял Владимира Познера. Его поведение во «Времени» — эталон, утраченный временем дух российского интеллигента, близкий к духу Лихачева и Аверинцева. Это так редко сегодня — если он спрашивает, ему и вправду интересно. Еще он себя и зрителя уважает и никогда не переходит грань споровщиков из Госдумы. Но он еще старше меня... А кто ему в затылок на ТВ дышит? Причем я-то точно знаю, что люди, которые снимают программы вроде «Слабого звена» или «Алчность», так не думают и так жизнь не видят. Мне это напоминает продавцов наркотиков. «А что? Если эти дураки колются и это «хаваго» — это их проблемы. Наши проблемы — деньги». Но коль скоро ты это сеешь, теленаркотик может вернуться к твоим детям.

— То есть из молодых вам снимать некого?

— Интересные личности в мире есть. Но сейчас — время какофонии, и воздух раскислен нетерпимостью. Конечно, я мог бы сказать: «Ребята, пена спадет, все будет хорошо». Это утешение для слабых. Пена не спадет, и само собой хорошо не будет. Надо умираться, сопротивляться хамам, и тогда, может быть, «красотой мир спасется...».

Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО